

В связи с указанным в доктрине сформировалось несколько подходов к пониманию территориальности: жесткая территориальность, гибкая территориальность, концепция универсализма.

Сторонники жесткой территориальности настаивают, что законодательство не может регулировать права, которые в государстве не признаются и не охраняются.

Абсолютной противоположностью жесткой территориальности выступает концепция универсализма. Данная концепция в большей степени ориентирована на сферу авторского права и предполагает, что оно универсально и возникает с момента создания сразу на всей территории Земли. Соответственно, интеллектуальные права – естественные права человека.

Вместе с тем мы поддерживаем мнение А. Соловьева и П. Голдштейна, что концепция универсализма не укладывается в рамки современного международно-правового и национально-правового регулирования, не учитывает экономического интереса и является достаточно маргинальной по отношению к господствующим взглядам на территориальность прав интеллектуальной собственности.

В юридической литературе доминирует гибкий подход. Он возник в качестве альтернативы, которая позволяет ограничить и частично преодолеть негативные последствия территориальности и учесть современные экономические реалии.

Отметим, что именно гибкое понимание территориальности прав интеллектуальной собственности позволяет ставить вопрос о возможности применения арбитража и медиации в целях урегулирования трансграничных споров в области интеллектуальной собственности.

В. В. Бобровник

Научный руководитель

Т. П. Афонченко

*Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины
г. Гомель, Республика Беларусь*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ДЕТЕЙ И НЕТРУДОСПОСОБНЫХ РОДИТЕЛЕЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Первое упоминание об алиментных правоотношениях между родителями и детьми встречается в первом нормативно-правовом акте Руси – «Русской правде». Данный акт содержал обязанность детей содержать своих родителей. Так, в ст. 103 указано: «...на часть имущества матери дети не могут иметь никакого притязания; но кому она ее назначит – тому и взять; назначит всем – то и разделить между всеми; если же умрет без языка, то, у кого она жила и кто ее содержал, тому и взять ее достояние».

Дальнейшее правовое регулирование алиментных отношений между родителями и детьми получило в Статутах Великого Княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг. Например, раздел пятый Статута 1529 г. регулировал имущественные отношения между опекунами и детьми: «...если же он [опекун] причинил какой-либо ущерб, то дети по достижении совершеннолетия могут взыскать по суду с того, кто держал бы это имение, лишь бы они по достижении ими совершеннолетия не просрочили земской давности». Затем имущественные отношения между родителями и детьми регулировались Сводом законов Российской империи 1835 г. Существенно был расширен перечень оснований возникновения обязанности по содержанию родителей. Кроме того, была предусмотрена возможность освобождения детей от несения данной обязанности и конкретизирован круг обязанных лиц. При этом обязанность по содержанию родителей лежала не только на совершеннолетних детях, но и на несовершеннолетних, а также на недееспособных детях, имеющих свои собственные «достаточные средства». В этом же нормативном акте была предусмотрена ответственность детей за уклонение от обязанности содержать родителей в виде ареста.

Октябрьская революция 1917 г. полностью реформировала семейное законодательство в соответствии с новым общественным взглядом на проблемы построения и функционирования семьи. В то же время, если вести речь об уголовной ответственности за уклонение от содержания детей или родителей, то подобного состава преступления не предусматривалось. Дальнейшее развитие институт алиментных обязательств получил в Кодексе о браке и семье Белорусской ССР 1969 г. Указанным кодифицированным нормативным правовым актом устанавливал-

ся особый порядок удержания алиментов: в случае, когда взыскание алиментов в долевом отношении к заработку родителя было затруднительным, допускалось взыскание в твердой денежной сумме. Кроме того, предусматривались основания для уменьшения размера алиментов и даже освобождения от их уплаты. В этот период впервые на законодательном уровне появилась уголовная ответственность за уклонение от содержания несовершеннолетних или совершеннолетних, но нетрудоспособных детей и нетрудоспособных родителей. Статьи, предусматривающие уголовную ответственность за данные преступления, были изложены в Уголовном кодексе Белорусской ССР от 1961 г. (далее – УК БССР), а именно ст. 120 «Злостное уклонение от уплаты алиментов или от содержания детей» и ст. 121 «Злостное уклонение от оказания помощи родителям».

В уголовном праве современной Республики Беларусь уголовная ответственность за уклонение от содержания несовершеннолетних или совершеннолетних, но нетрудоспособных детей, а также нетрудоспособных родителей предусмотрена в Уголовном кодексе Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З и представлена в ст. 174 и 175.

Д. И. Большой

Научный руководитель

Т. Н. Байбардина

*Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации
г. Гомель, Республика Беларусь*

ТОЛСТОВСКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ 1905 г.

Лев Толстой с юности сформировал две основные цели своей жизни: создать большую семью и стать классиком мировой литературы. В 1862 г. Лев Николаевич женился на Софье Берс, которая на протяжении брака родила тринадцать детей. В пятьдесят лет Л. Н. Толстой становится кумиром миллионов людей благодаря своим бессмертным шедеврам. И вот, достигнув вершины творчества, литературной славы и семейного благополучия, Лев Николаевич понял, что утратил жизненный ориентир. «Истина была, то что жизнь есть бессмыслица. Я будто жил-жил, шел-шел и пришел к пропасти, а впереди меня ничего не было, кроме исчезновения» [1, с. 20]. Разочарование приводило к утрате активности в социально-экономической и творческой деятельности писателя: «Среди моих мыслей о хозяйстве, которые очень занимали меня в то время, мне вдруг приходило в голову: «Ну хорошо у тебя будет 6000 десятин, 300 голов лошадей, а потом?» Или, думая о той славе, которые приобретут мне мои сочинения, я говорил себе: «Ну хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Шекспира, всех писателей в мире, – ну и что ж!» И я ничего не мог ответить» [1, с. 20]. Для Толстого период 1877–1878 гг. являлся острым кризисом жизненных ценностей, поиска истины после утраты смысла всей его разумной жизни. Жизнь графа в рамках его семьи, общества, страны, творческой деятельности стала мучительной и невыносимой. Лев Николаевич писал: «Мысль о самоубийстве пришла мне так же естественно, как прежде приходили мысли об улучшении жизни. Мысль была так соблазнительна, что я должен был употреблять против себя хитрости, чтобы не привести в слишком поспешное исполнение» [1, с. 21]. Преодолев собственный кризис, Толстой обратился к поискам истинного смысла жизни. Тогда Толстой приходит к православию. Лев Николаевич становится приверженцем Русской православной церкви, но первый же опыт причастия вызывал в нем резкую волну негодования. Требование священника подтвердить веру в то, что вино и хлеб есть кровь и тело Христа, было для Толстого невыполнимо. Толстой противился всяческой религиозной мистике, что дальше отразится в его учении.

Произведение «В чем моя вера?», написанное в 1884 г., стало основной критикой христианского богословия Толстым. Работа «В чем моя вера?» является наиболее последовательной попыткой рационалистического объяснения христианства. Анализируя Евангелие, Толстой пишет: «Я взглянул на этот текст другими глазами, без толкований, и суть Христовых слов открылась ясной, как день. Ключом ко всему Евангелию стало место из V главы Матфея, стих 38–39: «Вам сказано: око за око, зуб за зуб. А я вам говорю: не противьтесь злу»» [2]. Открытие Толстого состояло в том, что фраза «не противьтесь злу» – наставление, которое требует устранения любого проявления зла. «Мы неправильно понимаем слова о непротивлении, как восхваление страданий и лишений – Христос не требует от нас ни того, ни другого. Если вы хотите